

**«Природа вся персональна»:
Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина***

Александр Медведев

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**“Nature is All Personal”:
St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin**

Aleksandr Medvedev

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article analyses Franciscan ideas in the work of M. Prishvin from 1908–1953 in the context of European and Russian Franciscana of the Silver Age. The texts reveal direct and hidden references to the image of St Francis of Assisi and Franciscan texts (*The Canticle of Brother Sun* and *Vita Prima* by Thomas of Celano, and *Little Flowers of St Francis*). It is shown that Franciscan texts become a source of direct, ontological, and personalistic experience of the world as a beautiful and miraculous integrity for Prishvin, creating a paradisiacal harmony between man and creation. St Francis' compassion for nature became one of Prishvin's creative impulses in *Ginseng* (1933) and *The Golden Horn* (1934). The Franciscan experience of nature in its living reality and personalist uniqueness (nature as subject, not object) is one of the main sources of “kindred (merciful) attention”, Prishvin's main ontological and life-creating principle. Prishvin polemicalised against the opposite of Franciscanism, the utilitarian, object-oriented attitude towards nature in Soviet practice, in which the living, ontological, and personal reality of nature was perceived as an object and replaced by a “patriotic” and utilitarian ideology. In the 1940s, Prishvin returned to the cultural myth of St Francis as a renaissance figure, which emerged in the Russian religious and philosophical renaissance at the turn of the twentieth century; in this myth, St Francis, through his acceptance and justification of the world as God's creation, overcomes medieval ascetic dualism (matter as evil, the gap between flesh and

* *Citation*: Medvedev, A. (2024). “Nature is All Personal”: St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 506–522. DOI 10.15826/qr.2024.2.892.

Цитирование: Medvedev A. “Nature is All Personal”: St Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 506–522. DOI 10.15826/qr.2024.2.892 / Медведев А. «Природа вся персональна»: Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 506–522. DOI 10.15826/qr.2024.2.892.

spirit) and expresses humanistic values (personalism and ontologism), thus uniting God and the world, Christianity and nature, Christianity and culture. For Prishvin's concept of the integrity of being (the unity of the earthly and the heavenly, the flesh and the spirit), St Francis becomes one of the main sources. What also makes Prishvin similar to St Francis is the concept of joy, which the writer experiences ontologically as the essential basis of being. The image of St Francis becomes not only a literary but also an existential, ontological and creative response of the writer to the challenges of his time. Summing up his life, Prishvin defines his life-creative strategy and mission in the tragic twentieth century in the spirit of St Francis ('life is happiness').

Keywords: M. M. Prishvin, St Francis of Assisi, Silver Age, ontologism, personalism, "life creation"

Представлен анализ францисканских идей в творчестве М. Пришвина 1908–1953 гг. в контексте европейской и русской францискианы Серебряного века. В текстах выявляются прямые и скрытые отсылки к образу св. Франциска Ассизского и францисканским текстам («Гимн Брата Солнца», «Первое житие» Фомы Челанского, «Цветочки св. Франциска»). Устанавливается, что францисканские тексты становятся для Пришвина источником непосредственного, онтологического и персоналистического переживания мира как прекрасной и чудесной целостности, в которой рождается райская гармония человека и всего творения. Чувство жалости к природе в житиях св. Франциска становится одним из творческих импульсов «Жень-Шеня» (1933) и «Золотого Рога» (1934). Францисканское переживание природы в ее живой реальности и персоналистической уникальности (природа как субъект, а не объект) – один из важнейших источников «родственного внимания», главного онтологического и жизнетворческого принципа Пришвина. Писатель полемизирует с противоположным францисканству – с утилитарным, объектным отношением к природе в советской практике, в которой живая, онтологическая и персональная реальность природы воспринимается как объект и подменяется «патриотической» и утилитарной идеологией. В 1940-е гг. Пришвин возвращается к культурному мифу о св. Франциске как ренессансной личности, сложившемуся в русском религиозно-философском Ренессансе рубежа XIX–XX вв.; в этом контексте св. Франциск своим приятием и оправданием мира как Божьего творения преодолевает средневековый аскетический дуализм (материя как зло, разрыв плоти и духа) и выражает гуманистические ценности (персонализм и онтологизм), тем самым соединяя Бога и мир, христианство и природу, христианство и культуру. Св. Франциск становится одним из ключевых источников пришевской концепции целостности бытия (единства земного и небесного, плоти и духа). Со св. Франциском Пришвина сближает чувство радости, которая переживается писателем как сущностная основа бытия. Образ св. Франциска становится не только литературным, но и экзистенциальным, онтологическим и жизнетворческим ответом писателя на вызовы времени. Подводя итог своей жизни, Пришвин определяет свою жизне-

творческую стратегию и миссию в трагическом XX в. в духе св. Франциска («жизнь есть счастье»).

Ключевые слова: М. М. Пришвин, св. Франциск Ассизский, Серебряный век, онтологизм, персонализм, жизнетворчество

Историко-культурную аналогию между М. Пришвиным и святым конца XII – начала XIII в. Франциском Ассизским проводила В. Д. Пришвина, считавшая, что с итальянским святым писателя сближала цель человеческого пути – радость, которую она сравнивала с животворящим солнцем. Как и св. Франциск, Пришвин нес эту радость «на трагическом стыке эпох, не менее значительном, чем Средневековье и Возрождение»: «цветы Пришвина, и звери его, и люди – такое же возрождающее явление, какими были когда-то “Цветочки” Франциска Ассизского, хотя времена у нас уже иные» [Пришвина, с. 217]. Как и в «Цветочках св. Франциска», в творчестве Пришвина «среди страдающих людей распускается слово-цветок, слово-улыбка, иногда прикрывающая у Пришвина шуткой священное для человека слово-любовь» [Там же]. С. Г. Семенова сближала «детское, любовное отношение к миру» св. Франциска с «щедрым, милующим сердцем» Пришвина, в котором рождается «человеческий принцип личности, качественной уникальности» (лицо и имя) [Семенова, 1989, с. 386]; эта личностная установка Пришвина в восприятии мира в духе св. Франциска стала вызовом писателя эпохе с ее принципиальной деперсонализацией [Семенова, 2001, с. 461]. К. Г. Исупов, называя св. Франциска первым человеком Ренессанса, окунувшимся «в материю мировой приязни» («подлинное имя есть имя родства», «уродненного мира»), сравнивал его с «сочувственным вниманием» писателя («но то, что у Пришвина – симпатия, у Франциска – эмпатия») [Исупов, с. 269].

Видение в фигуре и сочинениях св. Франциска соприкосновения Средневековья и Возрождения было характерно для интеллектуалов Серебряного века, настоящий «ренессанс» св. Франциска в русской культуре происходил на рубеже XIX–XX вв. В. В. Розанов, отмечавший в 1911 г. частые упоминания св. Франциска в литературе, философии и критике этого времени, определил его как «литературного русского святого», «“единственного святого” русской интеллигенции» [Розанов, с. 154]. Этот расцвет русской францискианы выразился в многочисленных русскоязычных переводах францисканской литературы. «Цветочки св. Франциска» (“Fioretti di san Francesco”) вышли в нескольких русскоязычных переводах [Цветочки Франциска Ассизского; Цветочки св. Франциска Ассизского, с. 1–167; Конради, с. 130–231], отдельно и вместе с житийными¹ и биографическими текстами².

¹ «Жития» Фомы Челанского, «Зерцало совершенства» в сокращении [Конради, с. 1–129].

² «Житие святого Франциска» С. Северного (С. Н. Дурыйлин), «Францисканские легенды» А. Франса [Сказания].

«Гимн Брата Солнца» также имел несколько переводов³. Важнейшими биографическими изданиями, через которые итальянский святой открывался русскому читателю, стали переведенная с французского и изданная по инициативе Л. Н. Толстого книга протестантского теолога Поля Сабатье [Сабатье] и книга историка, профессора Московского университета В. И. Герье [Герье]. В этой атмосфере внимания к культурному и религиозному францисканству М. М. Пришвин формировался как писатель, что подтверждается наличием в его библиотеке двух книг о св. Франциске [Пименова; Конради]⁴.

Приведем фрагмент «Гимна Брата Солнца» (“Cantico di Frate Sole”) в известном Пришвину переводе В. Конради (под названием «Гимн брату солнцу»), который, на наш взгляд, является для писателя архетипическим текстом:

Хвала тебе, Господи, и всем твоим созданиям,
 В особенности брату солнцу,
 Которое сияет и светит нам;
 Оно прекрасно и лучезарно в своем великолепии
 И тебя знаменует, Всевышний.
 Хвала тебе, Господи, за сестру луну и за звезды:
 Ты их создал на небе светлыми, драгоценными и прекрасными.
 Хвала тебе, Господи, за брата ветра,
 И за воздух, и за облако, и за ясную, и за всякую погоду,
 Которой ты поддерживаешь жизнь твоих созданий.
 Хвала тебе, Господи, за сестру воду:
 Она благодетельна, и смиренна, и драгоценна, и целомудренна.
 Хвала тебе, Господи, за брата огня,
 Которым ты освещаешь ночь,
 И он прекрасен, радостен, могуч и силен.
 Хвала тебе, Господи, за сестру нашу, мать землю,
 Которая нас поддерживает и питает
 И производит различные плоды, и пестрые цветы, и траву.
 [Конради, с. 98–99].

В «Гимне» св. Франциск в каждом творении (солнце, луна, звезды, ветер, воздух, облако, погода, вода, огонь, земля, плоды, цветы, трава) видит уникальную персону. Дуалистическим взглядам, презирающим онтологическую реальность как царство зла, он противопоставляет, по классическому определению, вошедшему в итальянскую энциклопедию для читателя «Открытая книга» (“Libro Aperto”), «образ вселенной как совершенной чудесной целостности, наделенной

³ Назовем, в частности, переложения и переводы Д. С. Мережковского в его поэме «Франциск Ассизский. Легенда» (1891) [Мережковский, с. 265–266], С. Северного (С. Н. Дурьлина) [Сказания, с. 36] и В. Конради [Конради, с. 98–99].

⁴ Автор благодарит за предоставленные сведения заведующего отделом Дома-музея М. М. Пришвина в Дунине (ГМИРЛИ им. В. И. Даля, Москва) Я. З. Гришину.

дыханием Божиим, в которой каждое создание достойно любви, потому что оно прекрасно само по себе и потому что несет на себе Божественный отпечаток Творца»⁵ [Il Cantico di Frate Sole]. Таким образом, св. Франциск преодолевает средневековый дуализм, поскольку «Божественное не принадлежит к измерению, необратимо чуждому реальному миру, но нисходит во все аспекты природы» [Там же].

Образ св. Франциска с его открытостью миру оказался особенно актуален в культуре XX в. с ее онтологическим поворотом. Один из ключевых русских философов-онтологов С. Л. Франк в работе «Русское мировоззрение» (1926) говорил о необходимости брать идею бытия с точки зрения не сознания, а бытия самого по себе, в его совершенно первично непосредственной форме и переживании («самораскрытие» бытия). По Франку, онтология определяет познание: бытие, которое охватывает и пронизывает нас, предшествует акту познания и является гарантией его объективности. Это непосредственное чувство бытия (познание через переживание, в отличие от картезианства, путь от «sum» к «cogito») Франк считал сутью «типично русского онтологизма»:

...Через это совершенно непосредственное и первичное бытие и постижимо, наконец, всякое бытие. <...> Человек познает постольку, поскольку он сам есть, что он постигает бытие не только идеальным образом через познание и мышление, а прежде всего он должен реальнее укорениться в бытии, чтобы это постижение вообще стало возможным [Франк, 1996, с. 169–172].

В книге «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» (1949) Франк определяет совместную укорененность в *реальности* человека и природного бытия как *жизнь*, соединяющую в себе динамически реальное и идеальное [Франк, 1997, с. 410–414]. Философ называет св. Франциска одним из христианских гениев, которые понимают жизнь во всей ее полноте, содержат в своей неповторимой личности «максимум общеонтологического содержания», тем самым снимая принципиальный дуализм человеческого духа и природного бытия в «единой всеобъемлющей и всепронизывающей силе реальности»:

Христос указывал на полевые лилии и на птиц небесных как на свидетелей любви Божией ко всему творению. <...> Франциск Ассизский видел во всех живых существах, во всех носителях и силах природного бытия своих братьев и сестер [Там же, с. 415].

Для Пришвина также было принципиально значимо это онтологическое понимание жизни. В дневниковом очерке «Старушка Vita» (1918), вошедшем в книгу «Цвет и Крест»⁶, писатель выразил

⁵ Здесь и далее, если отдельно не указано, перевод с итальянского мой. – А. М.

⁶ Книга включает в себя дневниковые записи и статьи из петроградских газет 1917–1918 гг.; по цензурным причинам долгие годы пролежала в архиве писателя и была опубликована в 2004 г.

убеждение в том, что в основе всего находится жизнь («старушка *vita*»), и отстаивал ценность конкретной человеческой жизни, которая не может быть средством для «счастья всего человечества»: «обыватель острова Советской республики готов ради человечества пропустить и всю жизнь, старушку *Vita*» [Пришвин, 2004, с. 220]. При этом пришвинский онтологизм был глубоко персоналистическим: природа «вся персональна» (7 марта 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 43]; «Не один человек, но вся природа и в ней всякий род, даже род атомов, протонов и всяких еще более мелких частиц материи, таит в себе носителя лица. В материи нет ничего мертвого, в ней все живое» (4 мая 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 79; Пришвин, 1969, с. 280]⁷.

Онтологическое и персоналистическое отношение св. Франциска к космосу как прекрасной и чудесной целостности, в которой каждое создание достойно любви, присутствует уже в раннем дневнике Пришвина. Размышляя о том, как отличить истинные переживания от литературных, он вспоминает о своем опыте первой любви и о переживании природы, воспринимая ее во францисканском духе:

Деревья склоняются над водой. Большие зеленые шапки склоненных ив я обнимаю. Я такой большой, что могу обнять каждое это доброе зеленое дерево. <...> Вот опять гирляндой уселись зеленые птички на черемухе, светятся... И таким миром, таким счастьем наполняет меня созерцание их (4 мая 1908 г.) [Пришвин, 2007, с. 36–38].

Это онтологическое и субъектное отношение к природе продолжается в дневнике 1920-х гг., где писатель обращается к птицам и творению в духе «Гимна Брата Солнца» и проповеди св. Франциска птицам⁸:

Пролетайте же, гуси и дорогие журавли, вы меня не тревожите, как в прежние годы, недостижимым посулом: мои журавли со мною живут. Пойте, веселые черные чудаки-скворцы, разными голосами над шумящим потоком: я сам скворец и тоже пою (20 апреля 1926 г.) [Пришвин, 2003, с. 39].

Это не книжное, непосредственное переживание своего онтологического единства с творением рождает в душе чувство радости:

⁷ В книге «Глаза земли» под заглавием «Имена» [Пришвин, 1982–1986, т. 7, с. 432].

⁸ «...«сестрички мои птички, вы многим обязаны Богу, вашему Творцу, и всегда и везде должны хвалить Его...». При этих словах святого Франциска все птицы начали открывать клювы, вытягивать шею, раскрывать крылья и почтительно склонять голову до земли, показывая движениями и пением, что слова святого отца доставляли им большое наслаждение; и святой Франциск вместе с ними радовался и наслаждался, изумляясь такому множеству птиц, и красоте их, и разнообразию, и вниманью их, и кротости» («Цветочки», гл. 16) [Конради, с. 182–183]. Эпизод проповеди птицам в книге Конради иллюстрируется репродукцией фрески Джотто и миниатюрой из Псалтыри XIII в.

Маленькие скворцы, обыкновенное солнце величиною в тарелку, и луна, и звездочки, я вас люблю не такими, какими узнал я о вас из книг – это любить невозможно! – а как сотворились вы вместе с моей младенческой душой, как обрадовали, так и остались, и я с вами остаюсь таким же. Так это есть и будет присоединенным к великому свитку тысячелетнего бытия человека на его остывающей планете [Пришвин, 2003, с. 39].

В мае того же года францисканское субъектное переживание природы в ее конкретности (человек, кормящий хлебом щенка, стрижи, иволга, семена ив) порождает онтологическую радость, райскую гармонию человека и «жизни большой и круглой»: «будь счастлив и тем, что видишь шевелящий травы хвостик щенка и мелькающие тени стрижей» (24 мая 1926 г.) [Там же, с. 67].

В 1932 г. после путешествия на Дальний Восток писатель задумывает книгу о Даурии⁹, одним из источников идеи которой стали «Цветочки св. Франциска». Святой стоит у Пришвина первым в ряду «великих начал» жалости человека к природе, противопоставленной современному мещанскому отношению к ней:

Все начинается от чувства безысходной тоски при виде всего живого, погибающего напрасно в природе. Это чувство свойственно многим и по-разному сплавлено в идею: были у нас «Цветочки» Франциска Ассизского, был Руссо, Гёте, было толстовство с его непротивлением (27 января 1932 г.) [Пришвин, 2009, с. 52].

О силе жалостливой любви св. Франциска ко всем созданиям Божиим говорится в «Первом житии» святого, созданном в XIII в. Фомой Челанским:

Даже к червям он питал любовь, ибо в Писании сказано о Спасителе: я есмь червь, а не человек. И он их собирал с дороги и относил в безопасное место, чтобы путники не раздавили их. Что говорить о других тварях, когда он и о пчелах заботился, чтобы оне не погибли зимой, и приказывал давать им меда и лучшего вина? Искусный ум и полезный труд их вызывали в нем такое восхищение, что он проводил целые дни, хваля их и другие Божии творения (1 Челано, гл. XXIX) [Конради, с. 91–92].

В опубликованном варианте «Золотого Рога» имя Франциска уходит из этого ряда, заменяясь Библией¹⁰, но и в «Жень-Шене» (1933),

⁹ Книга вышла под названием «Золотой Рог» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934) и включала в себя четыре части: «Корень жизни» (подзаголовок – «Женьшень»), «Соболь», «Олень-цветок», «Голубые песцы».

¹⁰ «Да, конечно, мы теперь вплотную подходим к уяснению сложнейшего понятия природы, в которую вошли и мудрость Библии, и старая революционность Руссо, и эстетизм Рёскина, и этика Толстого, и пантеизм Гёте, и многое множество всего и всех – тут: язычники, славянофилы, механисты, народники, биологи, дачники, спортсмены, огнепоклонники» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 429].

и в «Золотом Роге» (1934) ощущается глубинное присутствие францисканского онтологического переживания природы. Прежде всего это заметно в описании открывающейся герою покрытой цветами долины Зусухэ, представляющей «страной обетованной»:

...Тут я научился понимать трогательную простоту рассказа каждого цветка о себе: каждый цветок в Зусухэ представляет собою маленькое солнце, и этим он говорит всю историю встречи солнечного луча с землей. Если бы я мог о себе рассказать, как эти простые цветы в Зусухэ! <...> По этим долинам, простым и прекрасным цветам всюду летали бабочки, похожие на летающие цветы... Пчелы реяли на цветах, осы; с шумом носились по воздуху мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. <...> Я человек, я слепну от солнца и могу рассказывать, лишь окидывая родственным вниманием все разнообразные освещенные им предметы и все лучи их собирая в единство [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 13].

Здесь соединяются францисканские мотивы любви к солнцу, цветам, пчелам из «Гимна Брата Солнца» и «Первого жития» Фомы Челанского:

...Он и о пчелах заботился, чтобы они не погибли зимой, и приказывал давать им меда и лучшего вина... Как радовался он красоте цветов, видя их прелестные очертания или вдыхая их сладостный запах. Его мысли немедленно уносились к дивному цветку от корня Иесеева, который своим благоуханием воздвиг от смерти бесчисленные тьмы людей. Когда он видел множество цветов, он начинал проповедовать им и призывал их к восхвалению Господа, как будто они обладали разумом. <...> Все создания он называл братьями; по чудесному и непонятному для других дару для него были открыты тайны сердца всех тварей, как будто он уже парил в свободной славе сынов Божиих (1Челано, гл. XXIX) [Конради, с. 91–92].

Описание долины Зусухэ пронизывает характерное для Франциска субъектное и онтологическое переживание природы в ее персональности («рассказ каждого цветка о себе», ирисы, орхидеи, лилии, гвоздика, бабочки, пчелы, осы, шмели) и целокупности («единство»), которое рождается благодаря ключевому для Пришвина жизнотворческому принципу – «родственному вниманию», то есть благодатному состоянию любовного милующего внимания¹¹, обращенного к природе как *субъекту*, а не объекту («Среднее Должное», общее), что писатель наиболее точно выразит в дневнике 1941 г.: «вглядываясь в каждую мелочь отдельно и различай одну от другой, узнавая личности в каждом мельчайшем даже живом существе» (2 августа 1941 г.)

¹¹ Милость Пришвин понимает персоналистически, в антитезе к безличной немилости («все, что относится ко всем, но не к каждому»): «Милость – это внимание к личности, к частности, к случаю, это есть то самое, что я называю родственным вниманием» (11 мая 1946 г.) [Пришвин, 2013, с. 148].

[Пришвин, 2012, с. 534–535]. В «родственном внимании» всё творение воспринимается в своей персональной уникальности и переживается как счастье и «сорадование»: на лесной поляне «все зверушки, птицы, мышата, ежи, цветочки покажутся тебе вместе во множестве <приписка: и в единстве.>» (13 января 1937 г.) [Пришвин, 2010, с. 561–562].

Эта христианская в своей основе духовная практика «родственного внимания» противоречит описанной советской реальности (путешествия в Свердловск и во Владивосток, РАПП, МАПП), которая, будучи «непонятной и странной всему христианскому и дохристианскому, всему культурному миру», не дает ему пробиться к «родственному вниманию» и онтологической радости (1 января 1932 г.) [Пришвин, 2009, с. 6].

Францисканское субъектное и онтологическое переживание природы проявляется в «Жень-Шене» и во встрече рассказчика с грациозной ланкой пятнистого оленя Хуа-лу («олень-цветок») в виноградном шатре, которую он называет «большим событием» своей жизни («с большой радостью, как будто друга встретил») [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 14]. Это же переживание природы присуще и китайцу Лувену. В нем рассказчика поражает «то родственное внимание, с которым он относился ко всякому существу в природе» [Там же, с. 40, 43]. Лувен по-францискански беседует с двумя посаженными им великими тополями, любимой черной вороной, голубой сорокой, пересмешником, зимородком, дроздами, иволгой, кукушкой, перепелкой, скворцом [Там же, с. 41–42].

С противоположным этому францисканству – с утилитарным отношением к природе Пришвин полемизирует в очерке «Любовь к природе» (книга «Золотой Рог», 1934), в котором советское индоктринированное сознание воспринимает природу как *объект*, подменяя ее живую, онтологическую и персональную реальность «патриотической» и утилитарной идеологией¹². Не без иронии писатель замечает:

Мещанско-немецкая любовь к природе нам совсем не страшна: у нас и раньше-то ее не было, а теперь, после ликвидации кулачества, природа нас интересует исключительно как объект советского хозяйства [Там же, с. 461].

С позитивистским рациональным пониманием жизни животных Пришвин спорит в рассказе «Полярный роман» (книга «Золотой Рог», 1934), повествующем о брачных отношениях песцов: «Биолог – суровый человек, в личности живого существа не нуждается и занят только причиной явления» [Там же, с. 569]. Зверовод же Иван Антонович, понимающий поведение песцов «из сердца» и «по себе», знает каждого песца по имени и характеру и видит их «антропоморфные» отношения между собой. Такое персоналистическое понимание

¹² Об оппозиции идеологического нигилизма и онтологической реальности в дневнике Пришвина 1930-х гг. см. подробнее: [Medvedev].

животных (через сердце, а не голову) ближе Пришвину, чем объяснение брака песцов «чисто хозяйственной необходимостью, возникшей под действием прерванного тока энергии пола»: «людей мы стремимся различить, а у зверей отнимаем лицо и всю жизнь их стремимся свести к действию слепой силы» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 580].

В 1937 г. Пришвин размышляет об апокалиптическом сознании русского человека (интеллигенция, раскольники, революционеры и романтики), утратившего «ввиду мировой катастрофы» интерес к мирной повседневной жизни (образование, труд, быт). Нигилизму русской интеллигенции (революция) писатель противопоставляет «священные будни мира» – «Цветочки св. Франциска» и «клейкие листики» Достоевского¹³:

...Если революция выступает в низшем плане, то самая «обыкновенная история» становится как «цветочки» Франциска Ассизского. Со мной именно вот это и произошло: сквозь пустые будни революции я увидел священные будни мира и с этими священными клейкими листиками соединил свою поэзию (23 августа 1937 г.) [Пришвин, 2010, с. 724].

В подобном ключе миссию св. Франциска с его историческим временем соотносила В. Конради:

Среди всеобщего насилия, непримиримой вражды, кровавой борьбы человека с человеком, сословия с сословием, города с городом внезапно прозвучал призыв к братскому единению не только с людьми, но и со всей природой, раздались забытые евангельские слова: любите друг друга. <...> Люди точно очнулись от тяжелого сна и увидели, что на свете есть и солнце, и цветы, и радость, а не одна юдоль скорби. <...> Он любит человека и букашку, солнце и былинку, его сердце бьется в созвучии со всем творением. Зло вызывает в нем только большее сострадание и большую любовь [Конради, с. I–II].

Таким образом, Пришвин напрямую жизнетворчески¹⁴ соотносит себя со св. Франциском, противопоставляя предельно идеологизированной жизни, нигилизму и разрушению персонализм, онтологическую полноту природы, повседневной жизни и творчества.

Спустя три года он вновь размышляет о ключевой для него категории личности, которая важнее современной ему исторической ситуации:

¹³ В устах Ивана Карамазова «клейкие, распускающиеся весной листочки» выражают «жажду жизни» вопреки рациональной логике («Жизнь полюбить больше, чем смысл ее») [Достоевский, с. 209–210].

¹⁴ «Искусство как поведение» – одна из ключевых тем размышлений Пришвина на протяжении всей жизни. Жизнетворчество понимается писателем как «попытка сделать поэзию подвигом, превратить ее в “святое ремесло”» (9 апреля 1943 г.) [Пришвин, 2012, с. 474], когда писатель является «фокусом нравственного сознания, определяющего поведение людей» (31 декабря 1948 г.) [Пришвин, 2014, с. 354].

Начинаю понимать истоки моего пристрастия к современности – это есть стремление к установлению своей личности в безликом ходе событий. Так было тоже в эпоху войн – св. Франциск с цветочками был современнее драчунов (24 июля 1940 г.) [Пришвин, 2012, с. 229].

В 1941 г. писатель понимает св. Франциска в контексте ренессансного гуманизма (персонализм и онтологизм), «родственного внимания» и праведников Достоевского:

...Расцветаящая самость в сложной психической борьбе между земным и небесным и составляет существо эпохи Возрождения, приход Франциска Ассизского и милостивого любовного взора ко всему живущему (родственного внимания) у некоторых из отцов церкви и старца Амвросия и Зосимы Достоевского (16 декабря 1941 г.) [Там же, с. 730].

Это близко восприятию св. Франциска В. И. Герье, который видел совершенный им в христианстве переворот в том, что «аскетический пессимизм» заменился «любвеобильным взглядом на мир» [Герье, с. 344]. Св. Франциск с его любовью к творению, приятием и оправданием мира как *благото* преодолевает средневековый аскетический дуализм, отрицание мира и человека как *греховного* (лат. *contemptus mundi* – презрение к миру): если средневековый аскетизм стремился к Небесному Царствию, считая, что «земной мир полон зла и нечестия и потому достоин лишь презрения», то «в лице Франциска аскетизм приходит к сознанию, что и земной мир есть мир Божий и потому прекрасен. Франциск... любит стихиями, цветами и всякою живою тварью»¹⁵ [Там же, с. 158]. Призванием монаха становится не бегство из мира, а «возвращение в мир для служения человеку»: «Не созерцание идеального Божеского царства, которое сияет высоко над миром в небесной выси, составляет главное призвание монаха, установление и осуществление Божеского царства на земле» [Там же, с. 324].

В свете этого понятно, почему Пришвин соотносит св. Франциска со старцем Зосимой с его монашеством в миру¹⁶ и его прототипом Амвросием Оптинским. В контексте ключевой для нового религиозного сознания идеи совместимости христианства и природы (культуры) имя Франциска звучало в докладах Религиозно-философского общества, где его понимали как инициатора эпохи Возрождения¹⁷. Это ренессансное восприятие св. Франциска восходит

¹⁵ В этом же францисканском ключе о Пришвине в 1938 г. пишет в эмиграции А. М. Ремизов, утверждая, что он, «во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель в России», напоминает «человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир с цветами и звездами и что недаром звери, когда-то тесно жившие с человеком, отпугнулись и боятся человека, но что есть еще в мире простота, детскость и доверчивость – жив “человек”» [Ремизов, с. 301].

¹⁶ О св. Франциске как одном из протогероев Зосимы см. подробнее: [Медведев, 2015, с. 224–228].

¹⁷ Пришвин был участником петербургского Религиозно-философского общества (1907–1917), на заседаниях которого выступали и дискутировали философы и писатели В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Вяч. И. Иванов, А. А. Блок, С. М. Соловьев и др.

к книгам Г. Тоде «Франциск из Ассизи и начало искусства Ренессанса в Италии» (1885) и П. Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского» (1893, русский перевод – 1895), которые видели в идеях средневекового монаха ренессансные предпосылки («индивидуализм», освобождение от средневековой догматики, пессимизма, «стремление к природе»)¹⁸. Эту концепцию разделяла и В. Конради в известной Пришвину книге:

Луч поэзии и красоты, который он принес в мир, был первым предвестником зари Возрождения. Он расколдовал людей, точно в очарованном сне не видевших природы, и природа вывела искусство из византийского оцепенения и влила в него новую кровь. <...> Проповедь птицам и «Хвала всех творений» знаменуют собою начало новой эры в искусстве и нового понимания природы и жизни [Конради, с. XIV].

Образ Франциска-садовника появляется у Пришвина в итоговой дневниковой записи под заглавием «Творчество Мих. Пришвина»¹⁹, в которой писатель в форме францисканской притчи («Сказочка о святом Франциске») раскрывает свое жизнетворческое призвание как францисканское:

Согнувшись в три погибели, добрые люди в тяжелых мешках несли в райский сад свое добро. Только один бедный Франциск (Михаил) пришел без добра и держал в руках букет с незабудками. Увидав его, Великий Садовник спросил: – Франциск, где ты взял эти цветы? – Добрые люди, – ответил Ф., – несли в райский сад свое добро, из мешков у них кое-что выпадало, и там, где ложилось на землю удобрение, вырастали незабудки, и я их собирал. – Так зачем же они, – воскликнул Великий Садовник, – тащат свое говно в рай, если на земле на нем вырастают цветы? После того усердием Франциска все принесенное в райский сад добро выпало на землю благодатными дождями, и земля покрылась цветами (9 марта 1950 г.) [Пришвин, 2016, с. 45].

В пришвинской притче звучит полемика с советским утопическим представлением о светлом будущем (коммунизм, прогресс), в жертву которому приносится настоящее. Пришвин соотносит себя как творца с «беднячком» Франциском (не только святым, но и «поэтом»), онтологически оправдывающим мир как благое творение (единство духа

¹⁸ См. подробнее: [Медведев, 2018, с. 204–206; Медведев, 2020, с. 147–149].

¹⁹ Поводом для этого стало тяжелое переживание по поводу того, что секретарь А. А. Фадеева (генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР) не передала ему рукопись романа «Осударева дорога» и письма Пришвина с просьбой разрешить публикацию романа. В итоге роман пролежал у «вельможи» целый год на рецензии, и Пришвин так и не получил от него ответа. «Сказочку о св. Франциске» Пришвин планировал вклеить в письмо к Фадееву. В отредактированном виде (без упоминания о Фадееве и прямого соотнесения автора с Франциском) эта запись вошла в книгу «Глаза земли» под названием «Сказочка о святом Франциске» [Пришвин, 1982–1986, т. 7, с. 177].

и тела, земли и неба, красоты и пользы), творчески его преображающим, осуществляющим Царство Божие на земле. С житнетворческой точки зрения показателен фотоснимок, сделанный в мае того же 1950 г., на котором писатель обращается к лесным жителям в духе проповеди св. Франциска птицам (ил. 1–2). К мысли о целостности бытия Пришвин постоянно возвращается в дневнике как к краеугольной:

Родственное внимание создает на земле святую плоть (31 января 1940 г.) [Пришвин, 2012, с. 28]; В самой жизни земной нашел жизнь небесную. Убежден, что человек сам в себе содержит вечность и вся земная жизнь для того существует, чтобы он догадался об этом и сам своими руками построил бы себе на земле лестницу в вечность (29–30 июня 1941 г.) [Там же, с. 501].

1. Джотто ди Бондоне. Сцена из Жития св. Франциска. Проповедь птицам. 1297–1299 гг. Фреска. Верхняя церковь Св. Франциска. Ассизи [Конради, 182a]

Giotto di Bondone. Scene from the Legend of St Francis. Sermon to the Birds. 1297–1299. Fresco. Assisi, San Francesco, Upper Church

2. Обращение М. М. Пришвина к лесным жителям. Май 1950 г. Фотография. Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова

M. M. Prishvin addressing forest dwellers. May 1950. Photograph. Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov

Духовный переворот писателя после встречи с Валерией Дмитриевной в 1940 г. заключался в преодолении разделения между духовным и земным, в понимании любви в ее духовно-телесном единстве как целого. Исходя из этого опыта писатель полемизирует с дуализ-

мом, который проявляется как у революционеров (материализм), так и в церкви (дух):

...Революционеры наши и церковники ограничены одной и той же чертой, разделяющей мир на небесный (там, на небе) и на мир земной (здесь, на земле). <...> На самом деле черты такой между земным и небесным миром вовсе не существует [Пришвин, Пришвина, с. 227].

Со св. Франциском Пришвина сближает концепт радости. «*Laetitia spiritualis*» (лат. «радость (веселость) духовная») – важнейшая добродетель францисканства. В. Конради отмечает радость как ключевую черту духовного облика св. Франциска, который не может мириться со средневековым отчаянием в ожидании Страшного суда и грозного Бога-судии: «Он отымает природу и красоту от дьявола и возвращает их Богу. Радость делается у него канонической добродетелью. Счастливые люди не могут быть порочными» [Конради, с. IX]. Эта «великая радость» изливается на творение в его проповеди птицам. «Гимн Брата Солнца» написан накануне смерти в состоянии мистического экстаза, совершенной радости (*ut. perfetta Letizia*).

Радость – ключевой онтологический концепт жизнетворчества Пришвина, в котором она является сущностной основой бытия: «Существование без радости и без всякой надежды на радость – не существование» (3 февраля 1921 г.) [Пришвин, 1995, с. 134]. В 1949 г. на Николу Вешнего душа Пришвина не вмещает преизбыточествующую радость майского цветения: «Все цветет. Так все роскошно вокруг и так много всего, что душа моя – глиняный кувшин – не вмещает, и все льется через край из моего кувшина» (22 мая 1949 г.) [Пришвин, 1969, с. 285]. И в последнее лето жизни писатель записывает: «Можно все изменить в природе, преобразовать при условии сохранения основного неизменного закона радости жизни» (16 июня 1953 г.) [Пришвин, 2017, с. 373].

Подводя итог своей жизни, Пришвин определяет свою жизнетворческую стратегию и миссию онтологически, в духе св. Франциска – раскрыть жизнь как счастье:

Боже мой! как нелегко жилось, как удалось уцелеть! И я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту как счастливую. И сделаю это, потому что касался в творчестве природы и знал, что жизнь есть счастье (16 июня 1953 г.) [Там же, с. 372].

Библиографические ссылки

Герье В. Франциск. Апостол нищеты и любви. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1908. 346 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14. 510 с.

Исупов К. Г. Франциск из Ассизи в памяти русской культуры // Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб. : Рус. христиан. гуманитар. акад., 2010. С. 264–302.

Конради В. Г. Книга о св. Франциске. Celano. Speculum. Fioretti / пер. В. Г. Конради. СПб. : Огни : Сириус, 1912. 242 с.

Медведев А. А. «Сердце милующее» : образы праведников в творчестве Ф. М. Достоевского и св. Франциск Ассизский // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 222–233.

Медведев А. А. «Никто, как ты, не подошел к Евангелию близко» : рецепция Евангелия в русской францискане Серебряного века (Д. Мережковский, С. Дурылин, С. Соловьев) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. М. : Индрик, 2018. С. 200–220.

Медведев А. А. Францискане религиозно-философского Ренессанса и русская эмиграция (П. М. Бицилли, Г. П. Федотов) // Русская эмиграция во Франции и средневековая культура Европы : творческая встреча, исследования, переводы. М. : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2020. С. 137–157.

Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб. : Академ. проект, 2000. 926 с.

Пименова Э. К. Франциск Ассизский, его жизнь и общественная деятельность : биограф. очерк. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1896. 77 с.

Пришвин М. М. Незабудки : [из дневниковых записей 1905–1954 гг.]. М. : Худож. лит., 1969. 303 с.

Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1982–1986.

Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. Кн. 3. М. : Моск. рабочий, 1995. 334 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. Кн. 5. М. : Рус. кн., 2003. 592 с.

Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. 606 с.

Пришвин М. М. Ранний дневник 1905–1913. СПб. : Росток, 2007. 800 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Кн. 8. СПб. : Росток, 2009. 1008 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб. : Росток, 2010. 992 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М. : РОССПЭН, 2012. 880 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М. : Новый хронограф, 2013. 968 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. М. : Новый хронограф, 2014. 824 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. СПб. : Росток, 2016. 736 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб. : Росток, 2017. 832 с.

Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой : Дневник любви. СПб. : Росток, 2003. 256 с.

Пришвина В. Д. Круг жизни : Очерки о М. М. Пришвине. М. : Худож. лит., 1981. 239 с.

Ремизов А. М. Собрание сочинений : [в 15 т.]. М. : Рус. книга, 2003. Т. 10. 592 с.

Розанов В. Собрание сочинений : [в 30 т.]. М. : Республика, 2011. [Т. 21.] Террор против русского национализма : (Статьи и очерки 1911 г.). 416 с.

Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. М. : Посредник, 1895. 354 с.

Семенова С. Г. Преодоление трагедии : Вечные вопросы в литературе. М. : Сов. писатель, 1989. 440 с.

Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2001. 590 с.

Сказания о бедняке Христове : (Книга о Франциске Ассизском) : [Со снимками с карт. Джиотто]. М. : Изд. А. П. Печковского, 1911. 111 с.

Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб. : Наука, 1996. 736 с.

Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.

Цветочки св. Франциска Ассизского : репр. воспроизв. изд. (М. : Мусагет, 1913) / пер. с ит. [и предисл.] А. Печковского ; вступ. ст. С. Дурылина. М. : Вся Москва, 1990. 208 с.

Цветочки Франциска Ассизского (Fioretti) : легенды / пер. с ит. О. С. // Новый путь. 1904. № 4. С. 145–173. № 5. С. 116–145. № 6. С. 35–64. № 7. С. 68–87.

Il Cantico di Frate Sole // Letteratura Italiana : Libro Aperto : [electronic resource]. P. 6. URL: <http://www.pubblicascuola.it/letteraturareligiosa%201.2.pdf> (accessed: 12.11.2023).

Medvedev A. *Athena versus Gaia : Ideology and Being in Russian Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries (Turgenev, Dostoevsky, Prishvin, Andrei Tarkovsky) // A Culture of (Dis)continuity? Russian Cultural Debates in Historical Perspective / ed. by O. Tabachnikova. Berlin ; Bruxelles ; Lausanne ; N. Y. ; Oxford : Peter Lang Group : Intern. Acad. Publ., 2023. P. 65–99.*

References

Dostoevsky, F. M. (1976). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 14. 510 p.

Frank, S. L. (1996). *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview]. St Petersburg, Nauka. 736 p.

Frank, S. L. (1997). *Real'nost' i chelovek* [Reality and Man]. Moscow, Respublika. 479 p.

Ger'e V. (1908). *Frantsisk. Apostol nishchety i lyubvi* [St Francis. Apostle of Poverty and Love]. Moscow, Tovarishchestvo "Pechatnya S. P. Yakovleva". 346 p.

Il Cantico di Frate Sole. In *Letteratura Italiana-Libro Aperto* [website]. P. 6. URL: <http://www.pubblicascuola.it/letteraturareligiosa%201.2.pdf> (accessed: 12.11.2023).

Isupov, K. G. (2010). Frantsisk iz Assizi v pamyati russkoi kul'tury [St Francis of Assisi in the Memory of Russian Culture]. In Isupov, K. G. *Sud'by klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kul'tura Serebryanogo veka*. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, pp. 264–302.

Conradi, V. G. (1912). *Kniga o sv. Frantsiske. Celano. Speculum. Fioretti* [The Book of St Francis. Celano. Speculum. Fioretti] / transl. by V. G. Conradi. St Petersburg, Ogni, Sirius. 242 p.

Medvedev, A. (2023). *Athena versus Gaia : Ideology and Being in Russian Literature of the Nineteenth and Twentieth Centuries (Turgenev, Dostoevsky, Prishvin, Andrei Tarkovsky)*. In Tabachnikova, O. (Ed.). *A Culture of (Dis)continuity? Russian Cultural Debates in Historical Perspective*. Berlin, Bruxelles, Lausanne, N. Y., Oxford, Peter Lang Group, Intern. Acad. Publ., pp. 65–99.

Medvedev, A. A. (2015). "Serdtse miluyushchee": obrazy pravednikov v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i sv. Frantsisk Assizskii ["Merciful Heart": The Images of Righteous People in F. M. Dostoevsky's Creative Work and St Francis of Assisi]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (139), pp. 222–233.

Medvedev, A. A. (2018). "Nikto, kak ty, ne podoshel k Evangeliyu blizko": retseptsiya Evangeliya v russkoi frantsiskiane Serebryanogo veka (D. Merezhkovskii, S. Durylin, S. Solov'ev) ["No One Else Got Closer to the Gospel Than You": The Reception of Gospels in the Russian Franciscana of the Silver Age (D. Merezhkovsky, S. Durylin, S. Solovyov)]. In *Novozavetnye obrazy i syuzhety v kul'ture russkogo modernizma*. Moscow, Indrik, pp. 200–220.

Medvedev, A. A. (2020). Frantsiskiana religiozno-filosofskogo Renessansa i russkaya emigratsiya (P. M. Bitsilli, G. P. Fedotov) [The Franciscana of the Religious-Philosophical Renaissance and Russian Emigration (P. M. Bizilli, G. P. Fedotov)]. In *Russkaya emigratsiya vo Frantsii i srednevekovaya kul'tura Evropy: tvorcheskaya vstrecha, issledovaniya, perevody*. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, pp. 137–157.

Merezhkovsky, D. S. (2000). *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 926 p.

Pimenova, E. K. (1896). *Frantsisk Assizskii, ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost' : biograficheskii ocherk* [St Francis of Assisi, His Life and Social Activities: Biographical Sketch]. St Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina. 77 p.

Prishvin, M. M. (1969). *Nezabudki: iz dnevnikovyx zapisei 1905–1954 gg.* [Forget-me-nots: From Diary Entries of 1905–1954]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 303 p.

Prishvin, M. M. (1982–1986). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Complete Works. 8 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

- Prishvin, M. M. (1995). *Dnevniki. 1920–1922. Kniga 3* [Diaries. 1920–1922. Book 3]. Moscow, Moskovskii rabochii. 334 p.
- Prishvin, M. M. (2003). *Dnevniki. 1926–1927. Kniga 5* [Diaries. 1926–1927. Book 5]. Moscow, Russkaya kniga. 592 p.
- Prishvin, M. M. (2004). *Tsvet i krest* [Colour and the Cross]. St Petersburg, Rostok. 606 p.
- Prishvin, M. M. (2007). *Rannii dnevnik 1905–1913* [Early Diary 1905–1913]. St Petersburg, Rostok. 800 p.
- Prishvin, M. M. (2009). *Dnevniki. 1932–1935. Kniga 8* [Diaries. 1932–1935. Book 8]. St Petersburg, Rostok. 1008 p.
- Prishvin, M. M. (2010). *Dnevniki. 1936–1937* [Diaries. 1936–1937]. St Petersburg, Rostok. 992 p.
- Prishvin, M. M. (2012). *Dnevniki. 1940–1941* [Diaries. 1940–1941]. Moscow, ROSSPEN. 880 p.
- Prishvin, M. M. (2013). *Dnevniki. 1946–1947* [Diaries. 1946–1947]. Moscow, Novyi khronograf. 968 p.
- Prishvin, M. M. (2014). *Dnevniki. 1948–1949* [Diaries. 1948–1949]. Moscow, Novyi khronograf. 824 p.
- Prishvin, M. M. (2016). *Dnevniki. 1950–1951* [Diaries. 1950–1951]. St Petersburg, Rostok. 736 p.
- Prishvin, M. M. (2017). *Dnevniki. 1952–1954* [Diaries. 1952–1954]. St Petersburg, Rostok. 832 p.
- Prishvin, M. M., Prishvina, V. D. (2003). *My s toboi. Dnevnik lyubvi* [You and I. Diary of Love]. St Petersburg, Rostok. 256 p.
- Prishvina, V. D. (1981). *Krug zhizni. Ocherki o M. M. Prishvine* [Circle of Life. Essays about M. M. Prishvin]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 239 p.
- Remizov, A. M. (2003). *Sobranie sochinenii v 15 t.* [Complete Works. 15 Vols.]. Moscow, Russkaya kniga. Vol. 10. 592 p.
- Rozanov, V. (2011). *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Moscow, Respublika. Vol. 21. Terror protiv russkogo natsionalizma. (Stat' i i ocherki 1911 g.). 416 p.
- Sabatier, P. (1895). *Zhizn' Frantsiska Assizskogo* [Life of St Francis of Assisi]. Moscow, Posrednik. 354 p.
- Semenova, S. G. (1989). *Preodolenie tragedii. Vechnye voprosy v literature* [Overcoming Tragedy. Eternal Questions in Literature]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 440 p.
- Semenova, S. G. (2001). *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov. Poetika – Videnie mira – Filosofiya* [Russian Poetry and Prose of the 1920s–1930s. Poetics – Vision of the World – Philosophy]. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, Nasledie. 590 p.
- Skazaniya o bednyake Khristove. (Kniga o Frantsiske Assizskom). So snimkami s kartin Dzhiotto* [Tales of Christ's Pauper. (Book about St Francis of Assisi). With Photographs of Giotto's Paintings]. (1911). Moscow, Izdanie A. P. Pechkovskogo. 111 p.
- Tsvetochki Frantsiska Assizskogo (Fioretti). Legendy [Little Flowers of St Francis (Fioretti). Legends] / transl. by O. S. (1904). In *Novyi put'*. No. 4, pp. 145–173. No. 5, pp. 116–145. No. 6, pp. 35–64. No. 7, pp. 68–87.
- Tsvetochki sv. Frantsiska Assizskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdania (Moskva, Musaget, 1913)* [Little Flowers of St Francis. Reprint (Moscow, Musaget, 1913)] / transl. by A. Pechkovsky, foreword by S. Durylin. (1990). Moscow, Vsyia Moskva. 208 p.

The article was submitted on 21.01.2024